

ВОСПОМИНАНИЯ С. Б. СУКИАСОВОЙ-АРТЕМЬЕВОЙ О ЧЕРНЫШЕВСКОМ

Публикация Е. Г. Бушканца

Публикуемые ниже воспоминания в печати не появлялись. Они написаны были в 1932 г. для Музея Революции, откуда вместе с другими материалами по 1860—1880 гг. были переданы в Исторический музей в Москве (ф. 282, ед. хр. 317). Автор их — Сусанна Богдановна Сукиасова (в замужестве Артемьева) — пользовалась доверием Ольги Сократовны и постоянно бывала у Чернышевских в астраханский период жизни писателя. Впервые имя Сукиасовой встречается в письме Чернышевского к жене от 1 сентября 1884 г.: «Вчера заходили проведать нас Софья Мелькумовна и Сусанна Богдановна. А ныне Сусанна Богдановна принесла письмо к тебе. Влагаем его в наше. Зайду к ним, поблагодарить их за расположение» (XV, 474). В дальнейшем имя Сукиасовой постоянно фигурирует в переписке Чернышевского. Сообщая в одном из писем 1887 г. о выходе ее замуж, Чернышевский отмечает, что, сделавшись довольно богатой женщиной, «она несколько не переменила манеры держать себя<...> Это очень много свидетельствует в пользу ее ума и характера» (XV, 654—655). Дружеские отношения с семьей Чернышевских Сукиасова-Артемьева продолжала поддерживать и в дальнейшем. «Дружба моя с нею, — писал Чернышевский незадолго до отъезда из Астрахани в мае 1889 г., — непоколебима» (XV, 861).

В своих воспоминаниях Артемьева сообщает об отдельных фактах семейной жизни Чернышевского. Она и не претендует на характеристику тех сторон его жизни, которые оставались ей малоизвестными или непонятными. Сообщаемые ею детали о полицейском надзоре за Чернышевским весьма интересны. Более подробно она характеризует ту сложную домашнюю обстановку, в которой Чернышевский оказался в Астрахани, его взаимоотношения с женой. Воспоминания эти (искренность и доброжелательность их не вызывает сомнений) показывают необоснованность попыток некоторых исследователей идеализировать образ Ольги Сократовны, изображать ее непреклонной и последовательной революционеркой.

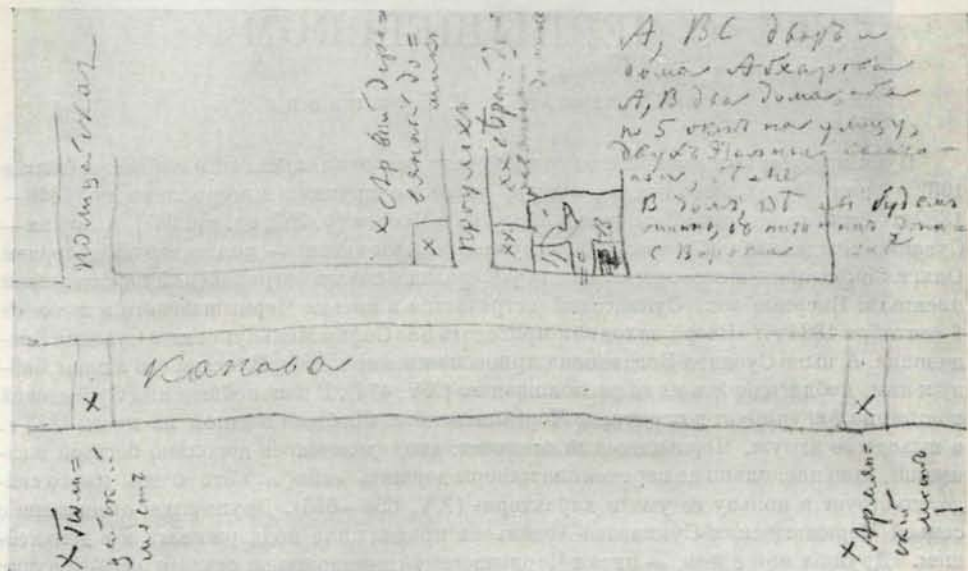
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В СЕМЬЕ

Эта страничка воспоминаний, рисующая черты характера Николая Гавриловича в повседневности, в домашнем быту — относится к поре его возвращения из Сибири в 1883 г. в Астрахань.

Жена Николая Гавриловича, Ольга Сократовна, с двумя сыновьями приехала в Астрахань ранее Николая Гавриловича и заняла две комнаты в доме Хачикова по Почтовой улице, имевшем проходной двор, что впоследствии было использовано шпиками.

Приехал Николай Гаврилович надломленный, изнервничавшийся. По рассказам Ольги Сократовны, ее мужа везли сначала на телеге, потом ему, никогда не ездившему верхом, пришлось прибегнуть к этому способу передвижения. Ольга Сократовна приняла меры, чтоб уберечь Николая Гавриловича от посещений. Прошло несколько месяцев, прежде чем я и две

сестры Мелькумовы, жившие в том же доме, смогли часто заходить к Чернышевским. В это время, до отъезда в Саратов в 1889 г., мне и пришлось быть свидетельницей будничной жизни Николая Гавриловича. Все имеющие общение с Чернышевским были переписаны в участке. Правительство все еще опасалось влияния Николая Гавриловича на молодежь, оно знало, что Чернышевский является невинно пострадавшим в глазах даже обывательских кругов. Письма, адресованные Чернышевским, вскрывались, но когда почтмейстером был назначен Дурново (брат министра внутренних дел), он посетил Николая Гавриловича и уверил его, что

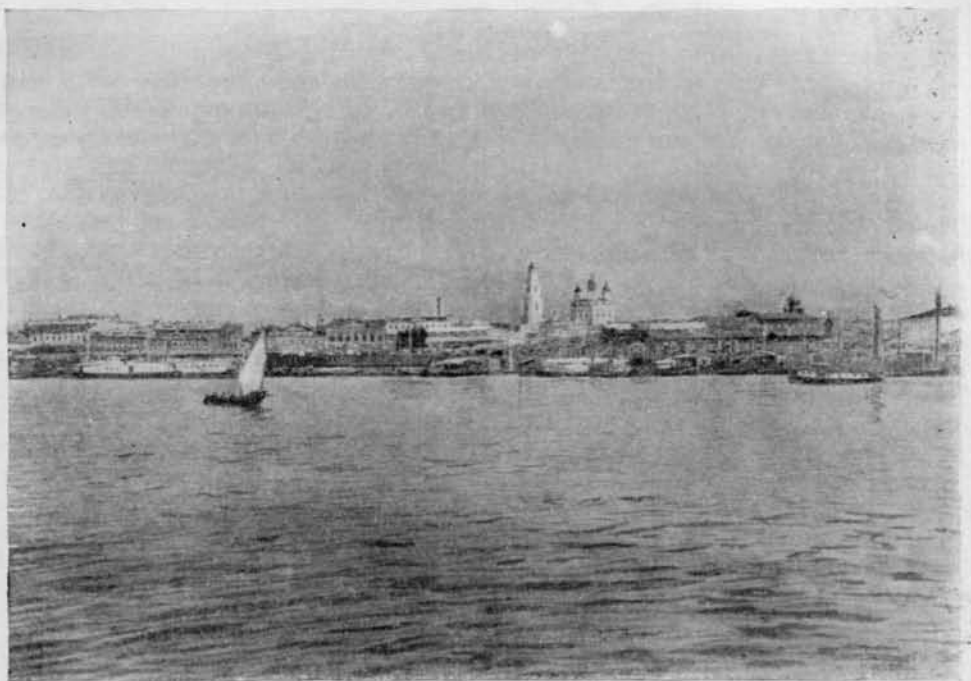
ПЛАН РАСПОЛОЖЕНИЯ ДОМА АБХАРОВА В АСТРАХАНИ, НАРИСОВАННЫЙ
ЧЕРНЫШЕВСКИМ

В дом Абхарова Чернышевский переехал 28 июня 1884 г. На обороте надпись рукой М. Н. Чернышевского: «Этот план, рисованный Н. Г. Чернышевским, был прислан мне в 1884 г. перед моим приездом в Астрахань для облегчения мне отыскания новой квартиры по Канаве д. Абхарова»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

письма проходить через цензуру более не будут. Николай Гаврилович сомневался. Дурново не раз сам приносил письма, говорил об обаятельной личности Николая Гавриловича, но доверие к своей чиновничьей особе ему нелегко было вызвать.

Николай Гаврилович, отдохнув, вначале не хотел выходить из дому, так как у обоих ворот проходного двора дежурили шпика, своим нелепо-рассеянным видом явно себя выдававшие. Но Ольга Сократовна настоятельно послала мужа на прогулку, так как он засиживался до 5-ти часов утра за переводом «Всемирной истории» Вебера. Гуляя, Николай Гаврилович любил заходить в лавки, беседовать с приказчиками и купцами. Однажды зимой он исчез надолго, дома все волновались, искали его по улицам, лишь поздно вечером он появился, неся завернутого в шубу котенка, который поразил его своим жалобным видом. Котенок дрожал, сидя на перекладине ворот. Николаю Гавриловичу стоило большого труда достать животное и спасти его от замерзания. На гневные упреки Ольги Сократовны Николай Гаврилович виновато улыбнулся и поцеловал ее, по своему обыкновению, в плечо.

АСТРАХАНЬ. ОБЩИЙ ВИД

Фотография, 1880-е гг.

Чернышевский жил в Астрахани с 27 октября 1883 г. по 24 июня 1889г.
Дом-музей Н. Г. Чернышевского, Саратов

АСТРАХАНЬ. КАНАВА

В этом районе Чернышевский жил в 1884—1887 гг.

Фотография, 1880-е гг.

Фототека Литературного музея, Москва

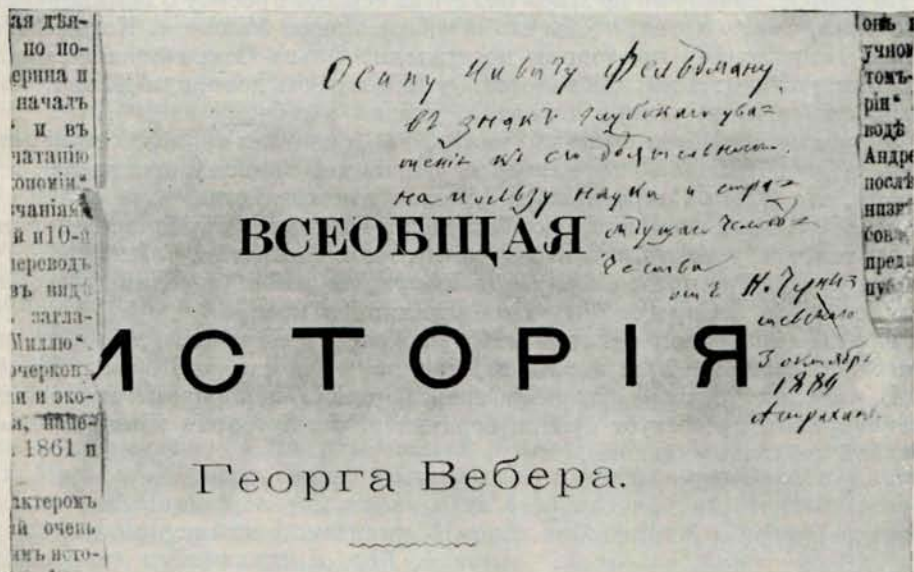

Боков, верный друг Чернышевского. Проездом по Волге, гостил двоюродный брат — историк Пыпин. Бывал и знаменитый артист Андреев-Бурлак, певший народные песни. Когда у подъезда раздавался звонок, то с черного хода со двора вбегали дети и сообщали о приходе гостей. В квартире тогда поднимался переполох, разбросанные повсюду вещи спешно забрасывались под кровать, кое-как прибирались комнаты.

Насколько любил Николай Гаврилович свою жену, показывает такой, кажущийся невероятным факт: Ольга Сократовна была чрезвычайно набожна, любила церковные обряды, ставила в церкви свечи, передавала записки за здоровье мужа и, нимало не считаясь с революционным сознанием его, посылала его упрямо и требовательно в церковь, приказывая поставить свечу. Николай Гаврилович говорил: «Ну, хорошо, хорошо, голубочка, если ты так хочешь, я пойду за тебя». В день, когда он был именинником, нагрянули неожиданно пошпы. Николай Гаврилович немедленно поднялся, побежал в кабинет и заперся на целый день, в то время, как квартиру оглашали церковные возгласы и Ольга Сократовна угощала церковников завтраком. Она приходила ко мне и изливалась бесконечной жалобой на мужа. Особенно ее возмущало, что Николай Гаврилович не любил одеваться, дома ходил в халате, с обнаженной грудью. Жена причесывала его, повязывала галстук в ожидании гостей. Губернатор, князь Вяземский, слышавший либеральным, часто приезжал к Николаю Гавриловичу и звал его к себе: приезжайте хоть в халате.

Единственный раз был Николай Гаврилович в театре в приезд армянского трагика Адамяна. В нашу ложу в антракте пришли свободные артисты и увели Николая Гавриловича за кулисы. Ему сделали овацию, он переходил из одних объятий в другие.

На вопросы о жизни в ссылке Николай Гаврилович отмалчивался, рассказывая лишь много забавного про старушку, прислуживавшую ему в Виллюйске.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕРНЫШЕВСКОГО НА ОДНОМ ИЗ ТОМОВ ПЕРЕВЕДЕННОЙ ИМ «ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ» ВЕБЕРА:

«Осипу Ильичу Фельдману в знак глубокого уважения и его деятельности на пользу науки и страждущего человечества от Н. Чернышевского. 3 октября 1886. Астрахань»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Повседневное окружающее печалило его, он не мог видеть запустения, нищеты. Однажды, оживленный, веселый, он пришел ко мне в крошечную комнатку и сразу стал хмурый, заметив: «Да как же можно жить в такой темной комнате?», потом рассказал о своем намерении взять на воспитание одну из девочек-армянок бедной семьи, жившей во дворе. Девочка заинтересовала его своей даровитостью.

Самой светлой радостью для Чернышевского было получение пяти толстых ежемесячных журналов, которые посылали ему с дружескими письмами столичные редакции. Но и отдохнув после ссылки, Николай Гаврилович оставался каким-то беспомощным, растерянным. Уезжая в Саратов, Ольга Сократовна говорила мне: «Если случится пожар, берите сначала Николая Гавриловича за руку и выведите, а потом вынесите вот эту шкатулку с рукописями». Шкатулка эта стояла на письменном столе среди кусков черного хлеба, так как Николай Гаврилович любил есть черный хлеб за работой, пил крепчайший чай и бесконечно курил. Он совершенно не обращал внимания на свое здоровье. Ему было вредно есть жирную пищу (у него была болезнь печени), и за столом Ольга Сократовна сама отрезывала от мяса жир и сало; стоило ей отвернуться, Николай Гаврилович безразличным видом воровато съедал кусок жира. Страдая жестоким ревматизмом, он в астраханский зной кутал в одеяло вечно холодные ноги. Это были последствия заточения в сыром каземате Петропавловской крепости. Так, укутанный в плед и одеяло, он обдумывал свои писания. Будучи юной девочкой, я задавала ему наивные вопросы, и в его ответах заключалось мое самообразование. После его слов я полюбила чтение. Часто мои вопросы поражали его своей нелепостью, он усмехался, но давал всегда обстоятельные ответы. Помню, что я ни за что не хотела признать, что нетленность мощей не была актом божественного соизволения. Он говорил на это: «Хотел бы я, чтобы нас с вами поместили после смерти в подземную пещеру, вымазав составом из извести, и мы бы стали нетленными святыми мощами».

На вопрос, почему он не хотел подать из ссылки просьбу о помиловании, он сказал, что не хотел, чтобы его освободил даже Мышкин. Когда к Николаю Гавриловичу приходили посетители, Ольга Сократовна говорила в их присутствии: «Иди, иди работать, у тебя же есть дело, иди». И он покорно прощался и, не говоря ни слова, уходил к себе.

Зарабатывал Чернышевский много, но денег как-то не хватало, потому ли, что Николай Гаврилович не отказывал всякому просителю, или потому, что Ольга Сократовна не умела вести хозяйства.

В 1889 г. кн. Вяземский исхлопотал для Николая Гавриловича переезд в Саратов, где у него были и родные и собственный дом.

Изнуренный напряженной работой, приехавший в Астрахань уже больным, он умер в Саратове от кровоизлияния в мозг.

Перед отъездом он подарил мне свою работу «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь» и «Материалы к биографии Добролюбова»*.

В первой статье «Старый трансформист» защищает эволюционную теорию и протестует против ограничения этой теории исключительно борьбой за существование.

* В Отделе письменных источников Государственного исторического музея хранится оттиск журнальной публикации «Материалов для биографии Н. А. Добролюбова» с автографической надписью Чернышевского: «Сусанне Богдановне Артемьевой в знак глубокого уважения от Н. Чернышевского. 15 марта 1889 г.» (ф. 282, ед. пр. 319).